

Часть 1.

На обложке: «Стихотворения В.Титова. Воспоминания В.Титова о школе, о товарищах. Книга Титова с его рукописями. Письма В.Титова»

1.

Из динамика, только что прибитого на скорую руку к колонне школьного вестибюля, доносился дребезжащий (что-то с диффузором), но уверенный и немного торжественный голос Левитана:

«От Советского Информбюро.

Вечернее сообщение от 14 сентября.

В течение 14 сентября наши войска продолжали вести упорные бои с противником на всем фронте. После многодневных и ожесточенных боёв наши войска оставили город Кременчуг...»

— Ой, девочки, уже Кременчуг, — проговорила, как будто всхлипнула, Рая.

— Ну, захныкала, рыжая, — отозвался чей-то задорный мальчишеский голос.

— Захнычешь, — продолжала Рая, — у меня брат на этом фронте, уже месяц писем нет, мама вся заплакалась. Сам-то ты какой? — уже без всякой связи с предыдущим закончила она.

— У тебя брат, а у меня...

Но громкий звонок прервал их спор. По вестибюлю шла уборщица тетя Маша и усердно трясла большим, со следами зеленой ржавчины, звонком.

Все направились в класс, и только Витя Белов высокий широкоплечий юноша, остановился на первой ступеньке лестницы и густым, низкого тембра, голосом сказал:

— Тетя Маша, что же это — от электричества к сохе? На какой же это железнодорожной станции вы колокол арендовали?

— Звонок-то? - не поняла иронии тетя Маша, — в кладовке, милок. Чай лет пять там провалялся, еле нашли... Электричество-то выключили...

— Анахронизм это, тетя Маша.

— Чего?

— Анахронизм, говорю.

— Ну, ты ругаться-то брось. Иди лучше в класс, а то я тебя сейчас этим колоколом-то...
— совсем не зло заворчала она и побрела в сторону раздевалки.

Витя, прыгая через несколько ступенек, поднялся на третий этаж и скрылся за дверью, на которой висела прошлогодняя табличка - «9 кл. «А». Все десятиклассники были в сборе.

Все ли?

Четвертый месяц шла война. Её горячее дыхание дошло до Москвы, и как пушинки одуванчика разлетаются от сильного ветра, так разлетелись по всей стране ученики 9-го класса «А» 201-й московской школы.

Крупный машиностроительный завод, располагавшийся недалеко от школы, был эвакуирован в далёкий сибирский город ещё в первые недели войны. И вместе с родителями уехали туда многие ученики. Заводские цехи стали их второй школой.

А те, кто остался в Москве, пришли сегодня в класс, чтобы начать новый учебный год.

Когда Витя вошел в класс, все учащиеся уже сидели на своих местах. Около стола стояли заведующий учебной частью Иван Алексеевич и преподаватель черчения и рисования Николай Иванович Потемкин. Занятые разговором, они не заметили Витю, и тот прошмыгнул вдоль стены и сел на свободное место за партой.

Он огляделся.

Большинство учеников было ему незнакомо. Некоторых он узнал только в лицо - это

были ученики соседней, 212-й школы. Своих было мало. Он увидел Ваню Носова, Лёню Петрова, Зою и Сашу Космодемьянских (почему-то на одну парту сели, никогда этого с ними не было), Раю Шуган. Отдельной группкой у окна расположились ученики бывшего параллельного класса, 9-го «Б»: Коля Неделин, Юра Браудо, Нина Борисова. Со многими из них он дружил, некоторые были ему знакомы по школьному драматическому кружку.

Все были оживлены долгожданной встречей и возбужденно делились впечатлениями о минувшем лете. А оно было особенное.

— Ты где был? - слышался шепот

— В Лианозово, под Москвой, противотанковый ров копал. А ты?

— В деревне. Знаешь, там на всех полях столбы в землю позакапывали, чтобы чтобы самолеты с десантом не могли сесть.

— А я в Барыбино, когда домой ехал, под бомбежку попал. Фашист летит низко над станцией, бомбы кидает и из пулемета строчит, а у нас ни истребителей, ни зениток.

— Жалко, - посочувствовал кто-то.

Долго бы продолжался этот разговор, если бы Иван Алексеевич не попросил внимания.

— Ребятки! - Так он обращался ко всем ученикам независимо от того, к какому классу они принадлежали - к первому или десятому.

Все притихли.

— Ребятки, по традиции я должен был бы сейчас поздравить вас с началом учебного года...

Внешне он был спокоен. Но ученики, те, кто много лет знали его, видели, что это показное спокойствие. Длинные узловатые пальцы рук, сложенных за спиной, нервно перебирали друг друга.

Сколько раз за свою жизнь приходилось ему поздравлять школьников с началом учебного года, но то, что он хотел сказать сегодня - это было необычно, как необычно были дни, в которые он и его «ребятки» жили.

— ... но сделать этого, к моему большому сожалению, я не могу. Сейчас перед нами... перед нами стоит другая, не менее, а может быть, более важная, чем учеба, задача.

Он сделал паузу, как будто не знал, как приступить к главному. А потом, как бы отыскав нужные слова, очень просто сказал:

— Ребятки, нам придется поехать в совхоз на уборку картофеля.

— В совхо-о-оз! - разочарованно протянул кто-то на задней парте. Это получилось довольно комично, но никто не засмеялся.

— Предупреждаю, — продолжал Иван Алексеевич, — что дело добровольное. Я бы сказал - это дело совести каждого. Подумайте. Николай Иванович составит список. Кстати, он назначен руководителем этой экспедиции. Вот и всё. Кто хочет что-нибудь сказать?

Первой из-за парты встала Зоя космодемьянская. И никто этому не удивился, потому что все привыкли к тому, что во всех делах, где требовалось вмешательство комсомольцев, она всегда была запевалой и организатором. Потому и избрали её комсомольцы 9-го класса «А» своим вожаком.

Зоя вышла из-за парты. Высокая, стройная, в красной вязаной кофточке с таким же поясом и чуть заметной штопкой на правом локте. Она откинула непокорную прядь темных, по-мальчишески остриженных, волос и негромко сказала:

— Я, конечно, понимаю, что у нас сейчас нет комсомольской организации, то есть она ещё не создана, но большинство сидящих здесь в классе - комсомольцы, и я думаю... я уверена, Иван Алексеевич, что комсомольцы поедут все.

И пошла на свое место.

— А почему это ты за всех высказываешься, — не попросив разрешения, вскочила с места Рая Шуган, — я тоже комсомолка, а я ещё не знаю, отпустит ли меня мама...

— Ма-а-ма! - Передразнил её тот же задорный мальчишеский голос.

Это был Ваня Носов. Все в классе, может быть, кроме него самого, знали, что он неравнодушен к Рае. Это ему однажды были адресованы стихи местного поэта, пущенные во время урока по партам с припиской: «Прочитай и передай товарищу!»:

«Скорее, Ваня, выбирай:

Без Раи — ад, иль с Раей - рай!».

В классе поднялся невообразимый шум. Долго ничего нельзя было разобрать. Поднялся было с места Витя и своим сочным басом пытался всех перекричать:

— Товарищи, к этому вопросу надо подходить дифференцированно...

Но Николай Иванович замахал на него руками, и Витя сел.

Когда же была установлена тишина, Иван Алексеевич сказал:

— Не будем, ребятки, спорить. Мы никого не торопим. Подумайте, поговорите с родителями. Завтра скажете о своём решении Николаю Ивановичу. Если же кто будет думать слишком долго и запоздает, то запишите адрес.

Он взял кусок мела и написал крупными буквами на доске:

«Московская область, Малининский район,

Совхоз Заря - 1»

Почти последними вышли из здания школы Зоя и Саша Космодемьянские. На трамвайной остановке они встретили Лёню Петрова.

— Давно ждешь? - спросил Саша.

— Давно, минут двадцать.

— Может быть, махнем, как обычно, пешком?

Саша имел в виду те времена, когда ещё не было войны, и он вместе с Лёней и ещё одним их одноклассником занимались в изо-студии при музее изящных искусств имени Пушкина. После занятий, если позволяло время, они любили пройтись пешком, не торопясь, «на малом газу», как говорил Саша, по московским улицам.

Маршрут был всегда один и тот же. От музея (они его называли «наш музей») по Волхонке, мимо библиотеки имени Ленина, на Манежную площадь, по улице Горького,

мимо памятника Пушкину, до площади Маяковского. Там они спускались в метро.

Лишь иногда маршрут изменялся. С улицы Горького они сворачивали в проезд Художественного театра. Там подолгу стояли около витрины фотоателье высокого разряда, любясь работами фотомастеров, или, когда открывалась новая выставка, проходили дальше на Кузнецкий мост в выставочный зал товарищества художников.

— Ну, так как? Идем?

— Идем. Зоя с нами?

— Нет, я вам не попутчица. Мне некогда, надо собираться, — возразила Зоя и побежала к автобусной остановке.

Лёня и Саша свернули на Ново-Подмосковную улицу и, не торопясь пошли по трамвайной линии.

— Ты твердо решил ехать в совхоз? - спросил Саша.

Леня усмехнулся:

— А ты думаешь, можно решить иначе?

— А почему нет. Можно и иначе. Ты слышал Райку?

— «Если мама разрешит». А если не разрешит? Тогда она не поедет. Третий месяц война идет, сколько километров фашисты по нашей земле прошли, а многие представляют себе войну по довоенным кинофильмам. «Если мама разрешит». У многих ещё не дошло до сознания, что война это не шутка, что это очень серьезно.

— Не знаю, как до других, а до нас с тобой это сознание тоже не сразу дошло. - не то шутя, не то серьезно сказал Лёня.

— Ты про что?

— А помнишь, как мы с тобой 23-го июня притащились с этюдниками на занятия в клуб завода «Каучук». Уже война идет, в помещении клуба призывной пункт работает, женщины плачут - с мужьями расстаются, а мы... Вот уж, наверное, дурацкий вид у нас

был... Комедия!

— Да, мягко выражаясь, дурацкий, — мрачно подтвердил Саша.

Этот случай всегда вызывал у него чувство досады, и он не любил его вспоминать.

За их спинами прозвенел трамвайный сигнал, и друзья сошли с линии.

Мимо промчался вагон девятого маршрута с рекламой новой кинокомедии «Антон Иванович сердится». В некоторых окнах вместо стекол желтели фанерные листы.

— А сегодня, — продолжал Саша, — заявили мы в школу учиться. В такое время учиться... И совершенно правильно сделали, что нашли нам полезную работу. В совхоз я, конечно, поеду. Мама возражать не будет. Надо Зое помочь собраться.

Они немного помолчали, думая каждый о своем, а потом Лёня, стараясь подавить улыбку, спросил:

— Скажи, ты сестру свою боишься?

Саша засмеялся.

— С чего это ты взял... А впрочем, знаешь, только по секрету скажу: дома - нет, тут мы друзья, а вот в школе... Как начну у доски «плавать», посмотрю на Зою, такой меня тут пот прошибает, спасу нет.

Незаметно они дошли до поселка Старое Коптево. Здесь их пути разошлись. Саше надо было идти дальше, в сторону Тимирязевского парка, а Лёне направо, на Вокзальную улицу.

Они расстались, сговорившись встретиться послезавтра на Павелецком вокзале.

II.

Провожающих не было. Цветов, музыки и аплодисментов тоже. Зато много было узлов, вещмешков, корзинок. И были двадцать пять бывших учеников, из них восемнадцать комсомольцев.

Пригородный поезд «Москва - Кашира» набирал скорость, и вскоре за серой завесой дождя скрылась родная Москва.

Чудак этот Ваня Носов. Делает вид, что совершенно случайно его место в вагоне оказалось рядом с местом Раи. А ей безразлично. Хоть Ваня, хоть кто другой, пусть сидит. Жалко что ли?!

И вообще Ваня не герой. Сами посудите. Подходит однажды к Ване представительный мужчина в очках (это было, когда учились ещё в восьмом классе) и говорит:

«Молодой человек, не хотите ли вы сняться в новом кинофильме «Сибиряки», который будет делаться на Мосфильме»? Приглашаю вас на пробу.

Ему, видите ли, ванин профиль понравился. А профиль у Вани, действительно, ничего, правильный. Не как у других.

Ну и что вы думаете? Ваня отказался. Вот так взял и отказался. Ему, дураку, такое счастье привалило. Может, его профиль помог бы ему известным человеком стать, а он отказался. А почему? Потому что трус. Хоть и с профилем.

Рая бы так не сделала. Потому что она храбрая. Она даже на школьной сцене играла, и Мария Дмитриевна, руководительница литературного кружка, её хвалила. Так и сказала после спектакля:

— Ты, Раечка, роль Акулины сыграла ничего.

Все слышали.

А партнером у неё был Витя Белов. Тоже хороший парень. На артиста Названова похож. Поёт, на гитаре играет, даже на гавайской, стихи читает - заслушаешься. А недавно на уроке литературы свои стихи читал про Маяковского. Хорошие стихи, только очень непонятные. Один у него недостаток есть. Что он хорошего в Люське нашел? В школе на одной парте с ней сидел, в театр и на танцы тоже с ней. И совсем она ему не пара. Война началась, так небось с милым папочкой из Москвы убежала!

А Рая не такая. Вот ведь мама плакала, не пускала её в совхоз, а она все-таки настояла на своём и поехала. И ни Витя, ни тем более Ваня совершенно ни при чем.

Дождь прошел, и вскоре из-за темно-синей громады тучи выглянуло солнце. Оно заиграло яркими бликами на свежевывмытых листьях придорожных деревьев, весело запрыгало по лужам, разбросанным по земле осколками битого стекла. Оно заглянуло сквозь чисто вымытые дождем окна железнодорожного вагона и отразилось на лицах девчонок и мальчишек.

И как будто не было расставаний, не было прощальных слов и слёз, и вообще не было никакой войны, а просто все они собрались в одну из суббот, и отправились в туристический поход. И это их приветствует своими последними теплыми лучами осеннее солнце: веселей, ребята, завтра вы опять будете дома, встретите своих родных, пойдете в школу; Иван Алексеевич познакомит вас с учением Дарвина, а Вера Сергеевна научит отличать ямб от хорея, Мария Тарасовна поведет вас по материкам и океанам, а Николай Иванович замучает своими этюдами...

Оттого ли, что выглянуло солнце или просто от сознания, что нельзя же вечно грустить, ребята оживились.

Кто-то внес предложение спеть. Оно было принято единогласно. Сначала пели «Идет война народная», потом «Клён кудрявый».

Песню «На позицию девушка провожала бойца» знали только Витя Белов и Николай Иванович. Первый раз они пели вдвоём. Слабенький тенорок «руководителя экспедиции» не шел ни в какое сравнение с мощным тренированным басом Вити, но на это никто не обратил внимания. Песню повторили, причем пели уже четверо. На пятый раз пели все:

И пока за туманами

Видеть мог паренёк,

На окошке у девушки

Всё горел огонёк...

Поезд шёл второй час. Неторопливо стучали колёса на стыках рельс. Телеграфные столбы и деревья за окнами вагона проплывали медленно, как бы нехотя.

— Почему так медленно едем? - спросил Николай Иванович проводника, который в это время проходил по вагону.

— А вам что, быстрее надоть, гражданин? - огрызнулся проводник, — успеете к чёрту в пекло.

Старику было лет шестьдесят. Седые усы, как у Тараса Бульбы повисли вниз и были насквозь прокурены.

Он поставил фонарь на лавку и сел рядом. Из кармана брюк достал складной нож, такой же старый, как и он сам, и новую стеариновую свечу.

— Тут, граждане, понимать надоть, — уже более миролюбиво заговорил он, разрезая свечу на четыре части, — быстроехать нельзя, потому как рельса на живую нитку пришита. Бомбежка была недавно. Да вы сейчас и сами увидите. Смотрите по правую сторону.

Он вставил одну четвертинку свечи в фонарь, запер его дверцу, встал и подошел к окну. Все последовали его примеру.

Перед ребятами открылась картина, заставившая с болью и тревогой сжаться их юные сердца.

Поезд шёл по высокой насыпи, а внизу, под откосом, придавив своей громадной тяжестью молодые обгорелые березки, лежал на боку паровоз. Обнажив железные внутренности, в его чёрном боку зияла огромная рваная рана. Стальные стержни дышел, причудливо изогнувшись, были устремлены вверх, как руки, протянутые в мольбе о помощи. Чёрные глазницы фар, лишённые стёкол, казались глазами большого раненного существа, прилегшего отдохнуть после тяжёлого боя и на минуту смежившего веки. Будки машиниста не было, а на одном из сверкающих начищенной медью рычагов раскачивалась на ветру, зацепившись ремешками, форменная железнодорожная фуражка.

Поезд шёл ещё медленнее, он почти остановился. Пронзительный надрывный гудок разнесся по окрестностям. И непонятно было, то ли это просьба дать семафор, то ли прощальный салют в память преждевременно погибшего друга.

— В Гражданскую не раз такое видел, и сейчас вот... а привыкнуть не могу, - тихо сказал старик и, часто моргая глазами, отвернулся от окна. Он зажег свечу в фонаре и пошел к выходу из вагона. У двери тамбура он остановился, посмотрел на

сгрудившихся у окон школьников и сказал:

— Возвращались бы вы домой, детки.

Зоя и Шура Космодемьянские стояли у окна рядом.

— Помнишь, Саша, ты когда-то рисовал такой паровоз? - сказала Зоя.

Он, конечно, помнил.

В их классе были три художника, которые чередовались при оформлении стенной газеты: Саша, Лёня Петров и Дима Буторин. Дата выпуска очередного номера, который должен был оформлять Саша, совпал с Днем железнодорожника. И в заголовке газеты Саша изобразил стремительно летящий локомотив, на груди которого над золотыми буквами «Феликс Дзержинский» гордо сиял строгий профиль вождя.

— Я помню, — сказал Саша, - но я и это не забуду! - он посмотрел туда, где за поворотом скрылся поверженный великан.

— Когда-нибудь я и это нарисую.

Сжимая мокрый носовой платок, плакала Рая. Около неё с растерянным видом сидел Ваня Носов. Он не знал, что надо делать, если рядом плачет девушка.

— Может, и в самом деле вернуться? - сквозь слезы сказала Рая.

— Ну, что ты? - и не найдя более убедительных слов для утешения, Ваня добавил, — ведь не в каждый паровоз бомба попадает...

Рая продолжала всхлипывать.

— А ты, может, есть хочешь? - не успокаивался Ваня. — У меня чёрный хлеб, почти не чёрствый, и масло постное. Хочешь?

— Ну, если постное... то давай.

Ваня с готовностью достал из вещмешка кусок ржаного хлеба, отрезал горбушку,

полил на неё из бутылки немного постного масла, посолил и протянул его Рае.

Бутерброд показался ей очень вкусным.

Петь не хотелось.

Приближался вечер. Солнце клонилось к горизонту и уже не заглядывало в окна вагона.

Все приуныли и сидели молча.

Вдруг Лёня Петров громко спросил, ни к кому не обращаясь:

— А вы слышали, как Саша Космодемьянский однажды персидский ковёр соткал? Нет? О, это же гениальная история! Комедия! Рассказать? - обратился Лёня к Саше.

— Давай, рассказывай, только не очень ври, — улыбнулся Саша.

— Ну, так вот. Однажды...

— В студёную зимнюю пору... - продекламировал Витя.

— Замолчи, перестань, — зашикали на него.

— Не перебивай!

— Не мешай врать!

— Однажды... — Лёня посмотрел на Витю, но на этот раз тот молчал, — руководитель нашей студии Насморк Иванович...

— Кто?

— Ах, простите, вы не знаете, почему Насморк Иванович? Вообще-то его звали Иван Иванович. Но он так любил ездить на этюды, что никакая непогода его дома не держала. Поэтому он всегда с насморком ходил. Мы и прозвали его Насморк Иванович. Саша, я ещё ничего не соврал?

— Нет, пока всё правда, вали дальше.

— Так вот. Однажды Насморк Иванович поставил для нас натюрморт. На фоне сине-зеленой парчовой драпировки разная блестящая ерунда. Писали мы его урока три или четыре. И вот в начале последнего урока Насморк Иванович подходит к Саше и начинает восхищаться: «Ах, Космодемьянский, какой вы молодец, как чудесно у вас выглядит натура и фактура и т.д. и т.п. и пр.». Саша, конечно, ёрзает на стуле от удовольствия и сияет, как никелированный чайник. А Насморк Иванович: «Единственное, что мне у вас, товарищ Космодемьянский, не совсем нравится, так это драпировочка. Вы несколько раздробили цвет. Подправьте и сдавайте работу.» Ну, и Саша подправил! В конце урока Насморк Иванович опять к нему подошел. Видели бы вы выражение его лица! Комедия! Он смотрел-смотрел на сашин картон, а потом говорит: «Космодемьянский, вы случайно ткачом никогда не работали?» Саша, конечно, немедленно вспотел и полез в карман за платком. «Нет, — говорит, — а что?». «Что это за персидский ковёр вы вместо драпировки изобразили?» Смеху было! Комедия!

Лёня засмеялся, но его никто не поддержал. Потом кто-то со вздохом сказал.

— А жалко всё-таки...

— Кого, Сашу?

— Нет, паровоз жалко.

— Фу, — недовольно прошипел Лёня, — для них стараешься, а они... Комедия!

За окном замелькали пристанционные огни. Это была станция Жилево.

Здесь пересадка.

III

Из дневника Лёни Петрова.

«18 сентября 1941 года. Вчера поздно вечером мы добрались до совхоза. Пришлось топтать по грязи от железнодорожной станции километра три. Девчонки пищали, а ребята ничего. Саша Космодемьянский говорит, что на фронте хуже бывает. Откуда он

знает, что он, там был? Я ему сказал об этом, а он говорит: «Пути господни неисповедимы не был, так буду». Поживем - увидим.

Встретил нас директор совхоза, пожилой небритый дядя, но веселый, наверное, потому, что украинец. «Заходите, — говорит, — дорогие помощники, до дому, до хаты». Это он по-украински сказал, но я так написать не могу.

Зашли мы «до дому, до хаты» и видим: кроватей нет, а вместо них деревянный настил, и на нем вороха сена. Девчонки сразу панику организовали, да и у ребят выражение лиц такое, как будто каждый по лимону с кожурой и без сахара сжевал.

А Витя Белов ещё масла подлил: «Такой, — говорит, — низкопробный сервис не соответствует моей творческой индивидуальности». Вот артист! Это он пошутил, конечно. Вообще он парень ничего, только вот зазнается немного и почему-то любит непонятные слова говорить.

Тогда Николай Иванович говорит: «Пусть поднимет руку тот, кто думал, что здесь, в совхозе, работает гостиница типа «Астория»?».

Тут все поняли, что обстановка едва ли изменится и бросились занимать классные места.

Через двадцать минут все находились в горизонтальном положении. Директор совхоза пожелал нам спокойной ночи и сказал, чтобы насчет харчей (так здесь меню называется) не беспокоились, обеспечит в избытке.

Засыпали мы оптимистами. Спасибо директору.

А сегодня с утра у девчонок митинг был. Нелегальный, конечно. Но разве женщины могут не базарить - мы всё слышали. Николай Иванович их стыдил за вчерашнюю панику. Так им и надо.

До обеда сегодня отдыхаем, устраиваем быт, а потом нам покажут, кто где будет работать. Директор, его зовут Иван Кузьмич, сказал, что всего нам надо убрать двадцать шесть гектар картошки.

Насчет харчей он не соврал. Спасибо ещё раз ему, а также повару.

19 сентября. Вчера полдня после обеда все работали на картошке. Старались изо всех сил, но директор остался недоволен: «Кто же, — говорит, — картошку палками выкапывает, надо руками». Я попробовал руками - плохо. Земля холодная, твердая и под ногти забивается.

А Витя и тут съязвил: «Где же, — говорит, — товарищ директор, ваша механизация - электрификация?» Директор сказал, что завтра будем работать на другом участке, там лошадь плугом по бороздам пойдет - легче будет! Но Витя и тут проворчал: «Спасибо, что хоть лошадизация есть». Глупо, конечно. Ведь война.

Работали в этот вечер долго, пока не стемнело, но собрали картошки мало - по мешку на человека в среднем.

А утром опять митинг. Это Космодемьянская настояла. Любит она всех организовывать. И в школе с поручениями надоедала, и тут без собрания обойтись не может. Сама же и первое слово взяла. Нельзя, говорит, работать так, как вчера работали. Не видно, кто старается, а кто лодырничает. Например, Рая только сверху собирает, а копнешь глубже, там самая лучшая картошка. И потом надо установить норму, чтобы знать, к чему стремиться, чего добиваться.

Николай Иванович её поддержал, и решили установить норму: четыре мешка в день девушкам и шесть - ребятам.

Ну и что получилось? Ничего. Никто столько не набрал. У Саши пять мешков, и то потому, что Николай Иванович по ошибке в его мешок четыре своих ведра высыпал. Коля Неделин почти пять мешков набрал. Но Коля не чета другим - крепкий парень, физкультурник. И красивый. Не зря на него Клава Погодина заглядывается. Поэтому, наверное, и картошки мало набрала. Но она сама тоже по внешности ничего. Вообще все в их классе считают, что они пара.

Но я, кажется, отвлекся.

Подсчитали: осталось убрать 25,2 га.

20 сентября. Сегодня подъем был трудный. Четверо ребят, не вылезая из-под одеяла, заявили Николаю Ивановичу, что работать не пойдут, потому что заболели.

А я тоже плохо себя чувствовал. Ныли ноги, руки, спина. Хотел было сказать, что я

тоже не пойду, но вижу, Витя Белов, Саша и Коля Неделин слезают с полатей, а сами кряхтят и морщатся. Видно, и им несладко. Ну, я и промолчал.

А тем, кто заболел, Николай Иванович ничего не сказал. А когда после завтрака все собрались идти в поле, он, как бы между прочим, говорит: «Сегодня я в газете читал, что под Киевом ожесточенные бои идут. Жарко там нашим. Не то что нам здесь, в совхозе...»

Ох и дипломат же Николай Иванович!

В общем, болеть остался только Юра Браудо. Но у него, действительно, наверное, температура, он ещё вчера жаловался.

После обеда дождь пошел. Совсем нам плохо стало. У меня сразу ноги намокли. У других тоже не лучше.

Картошки собрали ещё меньше, чем вчера.

Вечером читали газеты, сразу за три последних дня. Вести с фронта невеселые. Бои идут на всём фронте, и особенно сильные на подступах к Киеву.

Потом поговорили о дальнейшей работе – как быть дальше. Большинство из нас совершенно не готово к работе в полевых условиях. Одеты слишком легко, да и обувь не выдерживает. Юра заболел серьезно.

Николай Иванович предложил послать в Москву двух человек, чтобы они привезли нам необходимое из одежды и обуви. Выбрали Раю Шуган и Веру Мишину.

Я написал своим, чтобы мне выслали галоши, другие тоже писали. Завтра утром Рая и Вера уедут.

А директор над нами смеется: «Вы, — говорит, как тот казак, который на войну собрался, дам дома коня и трубку (он сказал «люльку») забыл».

Осталось убрать 24, 4 га.

21 сентября. Утром уехали в город Рая и Вера.

Погода сегодня была хорошая, поэтому дела в поле пошли хорошо. Правда, норму никто не выполнил, но многие к ней приблизились. У девочек впереди Зоя, а у ребят

Коля Неделин и Ваня Носов.

Саша меня сегодня удивил. Начал мне читать нотацию – почему я отстаю. Даже, говорит, некоторые девчонки тебя обгоняют. Друг, друг, а туда же, за сестрой – в воспитатели записался.

Ему хорошо говорить, вон у него плечи какие, и руки, как у рабочего. Ему ещё только семнадцатый год, а он уже успел токарем на заводе поработать.

А я что? Мне ещё в детстве врач сказал, что у меня грудь куриная.

А потом, что, Сашка не видит, что я стараюсь?

И чего Космодемьянские ко мне пристали? Зойка ещё в восьмом классе меня всё донимала. Почему, говорит, ты, Петров, такой середнячок? Учишься ты средне, дисциплина у тебя средняя, рисуешь и стихи читаешь ничего, а можешь лучше, танцевать так совсем не умеешь. Почему ты ни к чему не стремишься? И Вера Сергеевна, говорит, удивляется на тебя – по литературе то двойку, то пятерку получаешь...

А теперь и Саша в неё пошёл – «плохо работаю».

Осталось убрать 23,7 га.

22 сентября. Не везет нам. То дождь нас мучил, а сегодня ночью неожиданно подморозило.

Иван Кузьмич сказал, что сегодня на картошке работать не будем, не может быть, чтобы заморозки продолжались долго, ещё рано им быть. И нас распределили на разные работы.

Я вместе с Юрой Браудо, Ниной Борисовой и Зоей попал на сортировку картошки. Вчера её не всю вывезли с поля и часть померзла.

Когда уже кончали работу, над нами пролетел фашист. Правда, он летел очень высоко, и мы его не видели. Зойка воспользовалась случаем и прочитала нам лекцию «Как по звуку отличить гружёный фашистский самолет от негружёного». Если самолет с бомбами, то звук более высокий и как бы пульсирующий, надрывный, а у отбомбившегося самолёта звук низкий и ровный, спокойный.

Это она натренировалась определять, когда с братом дежурила около своего дома во время тревоги.

Если ей верить, то над нами пролетел фашист с бомбами.

А через полчаса Нина говорит: «Смотрите, сколько белых птичек летит». Мы посмотрели вверх – какие же это птички, это листовки. Целая туча над нами пролетела и села где-то за лесом.

А два листочка к нам опустились. Но не успел я поймать один, как Зойка ко мне подскочила. «Не смей, — говорит, — читать!» — а у самой из глаз молнии сверкают. Никогда я её такой не видел. Как рванёт у меня из рук листовку, я чуть с ног не свалился. Я ей говорю: «Ты что, спятила?» А она мне: «Ты хоть и не комсомолец, всё равно не имеешь права этого делать!»

И побежала куда-то.

А вечером приносит Николаю Ивановичу кучу листовок и говорит:

«Вот, я собрала, надо сжечь».

Николай Иванович её, конечно, похвалил, а потом говорит:

«А почему ты одна, разве у нас других комсомольцев нет?»

Ей и сказать нечего. Так и надо. Не будет зазнаваться.

Я потом Сашке рассказал про случай с листовкой. А он говорит, что Зоя поступила правильно.

Понятно – брат за сестру, сестра за брата.

28 сентября. Сегодня день начался грустно. Утром Николай Иванович объявил, что Раю и Веру ждать бесполезно и что будем их считать «без вести пропавшими».

Тут все зашумели, что это неправильно. Если они по какой-либо причине не могут вернуться, то должны об этом сообщить хотя бы открыткой. Они просто дезертировали.

Николай Иванович промолчал – он, наверное, и сам так думал.

А Ваню жалко. Он очень переживает. А тут ещё Витька, вот вредный, стихи написал:

«Что ж ты, Ванечка, невесел?

Почему ты нос повесил?

От стыда не умирай,

А скорее вместо Раи

Вновь зазнобу выбирай».

И стихи плохие, не оригинальные («азноба» — это совсем не литературно), и причем тут Ваня? Ведь он работает не хуже, а лучше других, тем более, Витьки.

А в поле сегодня работали здорово. Впервые три человека выполнили норму. У ребят Коля Неделин и Ваня, а у девушек – Зоя.

Ваня говорит – это назло Райке.

Была бы погода получше, многие бы ещё выполнили. А то с мокрыми ногами работают – часто к костру бегают.

У меня на этот счет план есть. Завтра с Сашей поговорю.

Осталось 19 га».

Часть 2.

Вечером после ужина Лёня Петров отозвал Сашу в сторону.

— Дело есть.

— Ну, если дело, то говори.

— С обувью у тебя как?

Саша поднял ногу. Подошва его не раз чиненого, выдавшего виды ботинка отвисла вниз, как губа у пьяницы.

Чудесно, — сказал Лёня. - А пальто?

— Ты же знаешь, я его Зое отдал.

— Ещё раз чудесно! А мёд ты любишь?

Саша недоверчиво посмотрел на Лёню:

— Думаешь, если меня в классе дразнят «медведем», так я должен и мёд любить?

— Ну, а всё-таки?

— Если предложишь, не откажусь.

— Так вот, — Лёня огляделся, желая убедиться, что их никто не видит и не подслушивает. - Недалеко от нашего совхоза есть деревня Лаптево.

— Лаптево? - Саша засмеялся. - Чудно!

— Честное слово. В этом Лаптеве живёт моя тётка - тётя Лена. Если мы туда смотаемся, гарантирую тебе ботинки, на плечи что-нибудь и мёду от пуза. Ну как?

Саша молчал.

— Тут недалеко, — продолжал Лёня, — до Малино пешком дойдем, всего десять километров, оттуда на попутной машине до Большого Алексеевского доберёмся, а там тётку подождём - она на молочный завод колхозное молоко возит. А к обеду обратно здесь будем.

— А что мы скажем Николаю Ивановичу?

— Разрешения спрашивать не будем. А то не отпустит. Объясним, когда вернёмся. Скажем, что решили сделать себе выходной. Ведь он давно нам его обещает.

И, видя, что Саша колеблется, Лёня добавил:

— Ты посмотри, в чём я, спасибо Раечке, работаю.

Он показал на свой ботинок, перевязанный поперёк проволокой и затянутый при помощи щепки способом, каким конёк прикрепляют к валенку.

— Ладно, убедил, — сказал Саша.

— Выходим в четыре. Я тебя разбужу.

Ребята досматривали десятый сон, если вообще есть сон у очень уставших за день людей, когда Лёня приподнял голову, огляделся и толкнул Сашу.

-Пора!

Тот что-то промычал нечленораздельное и повернулся на другой бок.

— Саша, ну Саш! - тормозил его Лёня.

— Что, уже? Так быстро?

— Тс-с, разбудишь...

Они спали одетые. Стараясь не шуметь, обулись и, тише невидимок, проскользнули в дверь, на улицу.

— Тебе не показалось, что Николай Иванович не спит? - шепотом спросил Саша.

— Что ты, храпит и даже присвистывает.

Лёгкий ночной морозец как бы заасфальтировал дорогу, а круглая луна вполне могла заменить придорожные фонари.

— Сейчас как по улице Горького промчимся, — радостно сказал Лёня.

— Подожди, давай поговорим, — ответил Саша.

— Чего говорить, только время терять, пошли.

— Нет, постой. - Саша прислонился к дереву. - Ну, мы с тобой пойдем, а ребята?

— А что ребята? На всех мёда не хватит. Комедия... — попытался пошутить Лёня.

— Я серьёзно. Ведь ты же сам вчера громче всех шумел, называя Раю и Веру дезертирами. А сегодня так же назовут и нас. Тебе это безразлично?

— Так девчонки насовсем убежали, а мы...

— Какая разница - насовсем или на время. Николай Иванович ничего не скажет, он будет молчать. Но это хуже, чем самые обидные слова. А Витька непременно какие-нибудь пакостные стишки накропает. И Зоя... нет, ты как хочешь, а я не иду.

— Ну и не надо, — вспыхнул Лёня, — подумаешь! Я пойду один, только знай - так друзья не поступают!

Лёня перепрыгнул через придорожную канаву и быстро зашагал по дороге.

— Это ещё вопрос, как поступают настоящие друзья! - крикнул ему вдогонку Саша. Он остался стоять у дерева.

Сначала Лёня шагал быстро. Потом шаги его замедлились, стали неуверенными. Наконец, он остановился, постоял минуту, потом изо всей силы ударил ногой по лежавшей на дороге консервной банке. Та, жалобно задребезжав, отлетела далеко в канаву.

Лёня повернулся и медленно побрел обратно.

Утром во время завтрака Николай Иванович громко рассказывал:

— Приснился мне сегодня странный сон. Будто двое из наших ребят, не буду называть фамилии, собрались бежать на фронт. Оделись потихоньку, вышли на улицу... А вот чем кончилось, убейте, не помню - другим сон перебил.

— Кто это, кто? - зашумели все.

Только Лёня и Саша не слышали, о чём рассказывал Николай Иванович. Они были очень увлечены изучением содержимого своих мисок.

— Отдохнём.

— С удовольствием.

Коля Неделин и Лёня пошли к меже, заросшей густой, но уже высохшей травой.

Костёр, который развели ребята с утра, был потушен только что прошедшим проливным дождем. Высокие облака, похожие на огромные кучи пуха, медленно обгоняя друг друга, уплывали к востоку. На западе заголубело чистое небо, и вскоре выглянуло солнце.

Саша и Витя Белов, работавшие на соседней грядке, тоже подошли к погасшему костру.

— Сейчас мы его расшевелим, — пообещал Витя.

Он достал из кармана газету.

— Жалко портить, нечитанная, а больше сухого ничего нет.

— Сводку оставь, — попросил Саша.

Витя оторвал от первой страницы кусок со сводкой Советского Информбюро, отдал его Саше и начал колдовать около костра.

Вскоре желтые языки пламени одолели влагу, пропитавшую хворост и, весело потрескивая, костёр ожил.

— Ташкент в порядке! - доложил Витя.

Ребята расселись вокруг, поближе к огню. Саша достал обрывок газеты.

— От Советского Информбюро!- торжественно прочитал он, стараясь подражать Левитану. - В течение 12-го октября наши войска вели бои с противником на всём фронте, особенно ожесточённые на Вяземском и Брянском направлениях. После упорных многодневных боёв наши войска оставили город Брянск...

Последние слова Саша произнёс уже не так торжественно.

— Да-а, — вздохнул Коля, — недавно Орёл, и уже Брянск. Интересно ,чем всё это кончится.

— Известно, чем, — отозвался Витя, — кто-то кого-то побьёт.

— Кто-то, кого-то! - передразнил Витю Саша. - Ты так говоришь, как будто тебе безразлично, кто кого.

— Нет, мне не безразлично, но от меня это не зависит.

— Как не зависит? А зачем же мы все работаем сейчас здесь, в совхозе? Это тоже фронт, хоть трудовой, но всё же фронт.

— А под Можайском мы окопы копали, — вмешался в разговор Коля, — разве это не помощь армии?

— Мне только одно непонятно, — продолжал Саша, — в Гражданскую у нас не было такой армии, как сейчас. Не было танков,

_____ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОТСУТСТВУЕТ 23-Я
СТРАНИЦА _____

— Ну, ещё убьют! - засмеялся Лёня. Его поддержали остальные.

— Ребята, я серьёзно, а вы... — обиженно продолжал Витя, — подадим заявления, что мы желаем добровольно... Смотришь, и в газетах про нас напечатают, феноменально! - Витя удовлетворённо заулыбался, представив, как это всё выглядело бы.

На Западе опять прокатилась волна похожего на гром раската, как будто где-то за лесом прошёл тяжёлый многовагонный железнодорожный состав.

— Неужели опять дождь идет?

— Какой дождь - небо чистое.

— Что же это? - и друзья все одновременно посмотрели на Запад.

— Неужели это фронт? - догадался кто-то.

Да это был он.

Тот самый фронт, который, родившись 22-го июня, поломал их мальчишечьи судьбы, безжалостно нарушил планы и надежды, который забросил их сейчас в далёкий

подмосковный совхоз, тот самый фронт, о котором они читали в газетах, слышали по радио, видели в кинохронике, но который до сих пор казался им чем-то нереальным, далёким и отвлечённым. Теперь этот фронт пришёл к ним, они услышали его зловещий таинственный голос.

Ребята долго смотрели на запад, где так и не погасла вечерняя заря, как будто солнце, скрывшееся за дальним лесом, остановило своё движение и продолжало окрашивать край неба тревожным багряным светом.

Костёр опять погас, но никто этого не замечал. Ребята сидели в темноте молча...

Но мысли их были там, где решалась сейчас их судьба, там, где миллионы их сверстников шли в бой и сгорали в том неуёмном всепожирающем огне, который назывался фронтом.

Звонкий девичий голос нарушил тишину. Со стороны деревни прямо по грядкам бежала девушка:

— Ребята, где же вы?! Николай Иванович зовёт! Немцы Ленинград взяли!

В столовой все окружили побледневшую, растерянную Нину Борисову, принесшую эту весть.

— Я шла с поля, — говорила она почти плача, — а навстречу мужчина на велосипеде, поравнялся со мной и говорит: докатились большевики - уже Ленинград отдали. И уехал. Я же не виновата...

— А кто он такой, этот мужчина? - допрашивал её Ваня Носов.

— Не знаю...

— Не знаю, — передразнил её Ваня, — эх ты, рыжая! — Добавил он, хотя Нина была темноволосая.

— Для тебя все рыжие. - Огрызнулась Нина.

В избу вошли, вернее, вбежали Николай Иванович и Зоя. Они тяжело дышали, видимо, торопились.

— Друзья, — прямо с порога обратился Николай Иванович к находившимся в столовой, — друзья, мы не можем сейчас опровергнуть весть, которую принесла нам Нина. Мы были сейчас у директора совхоза. Он звонил в район, но уже поздно. Узнать ничего не удалось, но...

— Но всё равно это неправда! - Почти крикнула Зоя. - Как ты, Нина, могла... Это неправда! - Она бросилась к двери и хлопнула ею с такой силой, что керосиновая лампа, висевшая под потолком, закачалась, а её железный абажур жалобно зазвенел.

В этот вечер никто не мог заснуть. Каждый молча лежал на своем месте и прислушивался к звукам, доносившимся в избу из-за горизонта. Фитиль лампы прикрутили до предела, а парусиновую занавеску на окне откинули в сторону. В комнату вместе с голубым светом луны упали слабые отблески далёкого зарева.

— Саша, — слышался тихий приглушенный бас Вити Белова, — ты спишь?

— Нет, а что?

— Ну так что насчет школы разведчиков? Только серьезно.

Саша помолчал минуту, потом сказал:

— Об этом стоит подумать. Надо с ребятами поговорить. В Москве решим.

В окнах звякнули стёкла и через несколько секунд донёсся глухой далёкий удар, похожий на раскат грома.

Ребята опять притихли. Потом кто-то сказал:

— Витя, почитай «Онегина».

Несколько голосов поддержали просьбу и Витя начал:

«Гонимы вешними лучами,

С окрестных гор уже снега

Сбежали мутными ручьями

На потоплённые луга.

Улыбкой ясною природа

Сквозь сон встречает утро года...»

Он читал старательно, как когда-то со сцены школьного зала. Витя считался лучшим в классе, да, пожалуй, и в школе, чтецом, и даже те, кто и недолюбливал его за некоторое зазнайство, тоже всегда слушали его с большим интересом и вниманием. Его приятный низкий голос был слышен и на половине девушек, хотя Витя читал не напрягая голоса.

«Как грустно мне твоё явление,

Весна, весна, пора любви!

Какое томное волнение

В моей душе, в моей крови!

С каким тяжёлым умилением

Я наслаждаюсь дуновением

В лицо мне веющей весны...»

То сильней, то тише звенели стёкла в оконных рамах, то разгоралось, то угасало зарево далёкого пожара, то усиливались, то замирали тревожные раскаты фронтального грома – никто не хотел этого ни видеть, ни слышать. Всё внимание было приковано к Витиному голосу.

«...Или, не радуясь возврату

Погибших осенью листов.

Мы помним горькую утрату,

Внимая новый шум лесов;

Или с природой оживлённой

Сближаем с думою смущённой

Мы увяданье наших лет,

Которым возрожденья нет?...»

Сначала Саша внимательно слушал стихи, потом как-то незаметно для себя перенёсся мыслями в Москву, домой. Он подумал о маме. Как-то она там? Волнуется, наверное, о нём и о Зое. Ещё бы, сводки-то какие. Немцы уже под Малоярославцем, а далеко ли это отсюда.

Потом он подумал о том, как хорошо бы было, если бы не было войны. Все ребята учились бы в десятом классе. И стихи Витя читал бы не в этой полутёмной прокопченной избе, а в их светлом просторном классе:

«Быть может, в мысли нам приходит

Средь поэтического сна

Иная, старая весна

И в трепет сердце нам приводит

Мечтой о дальней стороне,

О чудной ночи, о луне...»

Поехать бы на этюды. В Коломенское. Один раз он там был с Лёней. Снег ещё не сошёл, а солнце уже пригревало «добре», как сказал бы Иван Кузьмич. Рисовали сначала церковь Вознесения, потом проездную башню. Чудесные памятники. А вот ещё одну церковь, забыл, как она называется, не успели нарисовать – мокрый снег пошёл. Жалко. Дали себе слово обязательно ещё раз приехать, да вот война помешала...

Война! Опять вздрогнули стёкла в оконных рамах. Послышался далёкий, но уже явный гул авиационных моторов. Самолёты шли высоко, но их неровный, как бы пульсирующий звук (нагруженные – подумал Лёня) достиг ушей ребят. Кто-то встал и погасил лампу. Стало совсем темно. Только яркое пятно лунного света замерло на стене как раз в том месте, где висела самодельная карта Европейской части СССР с многочисленными бумажными флажками, обозначавшими потерянные нами города. Один флажок был прикреплен в двух сантиметрах от Москвы.

А Витя читал:

«Весна в деревню нас зовёт,

Пора тепла, цветов, работ,

Пора гуляний вдохновенных

И соблазнительных ночей.

В поля, друзья! Скорей, скорей...»

Усталость брала своё. Один за другим закрывали ребята глаза и засыпали глубоким сном людей, честно потрудившихся за день.

Последним заснул Витя.

Рано утром все уже знали, что Ленинград ещё дерётся. Слух не подтвердился. И может быть, поэтому с утра у всех было такое хорошее настроение. В столовой шумно:

— Ребята, кто слышал вчера, — громко спрашивал Ваня, — Онегин убил Ленского или, может, на этот раз наоборот?

— Я не расслышал, ты очень громко храпел, — послышался ответ.

— А ты расслышал, что Пушкин написал по нашему адресу: «В поля, друзья, скорей, скорей»?

Общий смех был прерван приходом Николая Ивановича и директора совхоза. Их вид совсем не гармонировал с настроением ребят и девушек. Николай Иванович был мрачен, в руках он держал листок, исписанный неровным, торопливым почерком. Он подошёл к столу, за которым только что завтракали школьники, и сказал:

— Я хочу, друзья, прочесть вам вчерашнюю сводку. Послушайте, а потом решим, что будем делать.

Он начал читать по бумаге.

— «От Советского Информбюро. Вечернее сообщение от 15 октября. В течение ночи на

14 и 15 октября положение на западном направлении фронта ухудшилось...»

— Час от часу не легче, — вздохнул кто-то.

— «Немецко-фашистские войска бросили против наших частей большое количество танков, мотопехоты и на одном участке прорвали нашу оборону. Наши войска оказывают врагу героическое сопротивление, нанося ему тяжёлые потери, но вынуждены были на этом участке отступить...»

Наступила пауза. Потом встал Иван Кузьмич и, поглаживая как всегда небритый подбородок, сказал:

— Дорогие хлопцы, та дивчатки. Спасибо вам за помощь. Поробили вы добре. Больше я вас не затриму, не маю права. Сегодня из району звонили, турбуются. Собирайтесь, ридненьки, до дому.

После этих слов все обрадовано зашумели.

— Но это не всё, — вмешался Николай Иванович, — это не всё. Иван Кузьмич не договаривает. Мы можем уехать сегодня. Но все вы, друзья, знаете, что остаются неубранными три гектара картофеля. Можем ли мы, имеем ли право оставить картошку в земле? Я хочу услышать ваше мнение.

Первым встал Ваня Носов.

— Я предлагаю сделать так. Пусть слабый пол едет домой, а ребята останутся. А я...

Ваня не успел закончить, как девушки зашумели и не дали больше ему ничего сказать.

— Это кто слабый пол?

— Что мы, норму не выполняем?

— Тоже сильный нашёлся, Геркулес!

— Ваня правильно сказал...

— Отправить девчонок домой!

Наконец, Николай Иванович установил тишину и дал слово Нине Борисовой, которая

давно уже, как в классе на уроке, тянула руку вверх.

— А я думаю иначе, — сказала она, — надо делить не на ребят и девчат, а на желающих и не желающих. И ещё я хочу сказать, что я остаюсь...

Она почему-то посмотрела на Зою. Та улыбнулась и кивнула ей головой.

Предложение Нины понравилось всем. И когда Николай Иванович спросил, кто же желает остаться, в воздух взмыли двадцать четыре руки. Ваня Носов поднял две.

16 октября. Сегодня предпоследний день работы. За два дня надо убрать три гектара. Постановили: к костру не ходить, согреваться работой.

Норму выполнили все.

Очень хочется домой.

Спать.

17 октября. Вот и всё. Закончилась наша жизнь в колхозе. Завтра утром домой.

Уставшие, похудевшие, все укладываются спать. А я смотрю на своих друзей и думаю, какие всё-таки мы несчастливые.

Вот Ваня. Он мечтал стать археологом. Но дальше «раскопок» на картофельном поле пока не пошёл.

А Витя хотел стать поэтом.

Нужно ли это сейчас? В развалинах древних городов не найдёшь нужного стране металла, а стихом, даже самым острым, не убьешь немца.

Мы с Сашей мечтали стать художниками. Не сбылось. Кисть – это не пистолет, палитра – не обойма.

Вот зашла в нашу комнату Нина Борисова. Очень красивая девушка и нежная, как ромашка. Как ей не идёт ватная телогрейка и кирзовые сапоги. Ей ли ковыряться в промёрзшей, до крови обдирающей руки, земле?

А ведь не хныкала, работала, как и все.

Только за ужином сегодня сказала: «Я никогда раньше не знала, что ржаной хлеб такой вкусный. Когда кончится война, я буду есть только чёрный хлеб и никакого другого».

После ужина пришёл к нам Иван Кузьмич. Он, видимо, заранее приготовил прощальную речь, даже на бумажке её записал, но она у него не получилась. И всё Витя Белов. Едва Иван Кузьмич произнёс фразу: «А теперь, хлопцы, нам надо...», как Ваня перебил его: «Вам, Иван Кузьмич, прежде всего надо побриться».

Тут все засмеялись, а громче всех Иван Кузьмич. Речь не состоялась.

Но потом директор уже попросту, своими словами ещё раз нас похвалил. Сказал, что дирекция и партийная организация совхоза довольны нашей работой и благодарят нас, а также школу, которая нас прислала. А потом он назвал нас «гвардейцами совхозных полей» и первый начал аплодировать. Мы были на седьмом небе

Всё-таки приятно, чёрт возьми, быть полезными.

Миновав разрисованное причудливыми цветными пятнами, как бы накрытое солдатской плащ-палаткой, здание Павелецкого вокзала, ребята вышли на площадь. Они с наслаждением вдыхали родной московский воздух со всеми присущими только ему запахами.

По Зацепе в обе стороны сновали автомашины различных марок (иногда попадались и трофейные) с разным военным имуществом. Вот промелькнули два броневика, промчалось зачехлённое в брезент зенитное орудие, прицепленное к газыку.

Иностранцами телами в этом безостановочном потоке казались автомашины с домашним скарбом, как будто где-то кто-то в такое время ещё мог справлять новоселье.

— Тикают герои, — услышали ребята старческий голос.

Рядом с ними остановился благообразный старичок с редкой рыжей бородёнкой. От него пахло спиртным.

— Тикают, — повторил он злорадно, — танки-то немецкие, слышишь, уже в Химках,

хехе...

И пошёл прочь слегка пошатываясь.

— Брешет, подлюга, — с ненавистью глядя на удаляющегося старика, сказал Саша, — я ему сейчас...

— Не обращай внимания, — удержал его Лёня, — мы уже слышали, как немцы Ленинград брали. С того же поля ягода.

В сквере против вокзала расположилась зенитная батарея. Около одной из пушек, склонившей к земле свой зелёный хобот, трудились несколько солдат. Взявшись за длинный шест, они дружно, размеренными ударами, прогоняли по каналу ствола тугой пыж.

— Туалет наводят, — сказал Саша, — наверное, ночью потрудились пушечки.

— Не заглядывайся, — торопила его Зоя, — некогда.

Саша взвалил на плечи мешок, в котором было около двадцати килограммов картошки (подарок директора совхоза) и они пошли к вестибюлю метро. Следом за ними заторопились остальные.

Почти всем надо было ехать до «Сокола».

Через двадцать пять минут они уже стояли на трамвайной остановке и ждали «девятку».

Подошёл трамвай. Он не успел ещё остановиться, а Ваня уже вскочил на подножку и открыл дверь. Он неловко замешкался со своим мешком, но Витя подтолкнул его снизу и Ваня почти против своей воли оказался на площадке.

Он огляделся - куда бы положить мешок - и увидел прямо перед собой Раю.

Она смотрела на него широко открытыми глазами, её слегка подкрашенные губы мелко дрожали, а всё лицо покрылось крупными багровыми пятнами.

Подшли остальные, но никто не сказал ей «здравствуй».

Рая опустила глаза, и по её щекам потекли слёзы.

— Я не виновата, — еле слышно прошептала она, — мама... не пустила, — и сквозь слёзы она почему-то посмотрела на Витю.

— Ребята, вам не кажется, что здесь дурно пахнет, — сказал Ваня, повернувшись к Рае спиной, — пошли на переднюю.

Каждый взял свой багаж, и все пошли на переднюю площадку.

Но ехали недолго. В том месте, где линия пересекает Ленинградское шоссе, трамвай остановился перед красным сигналом светофора.

Впереди по шоссе шла колонна красноармейцев.

Все пассажиры трамвая прильнули к окнам, а Саша, Витя и Лёня вышли из вагона и поднялись по небольшому откосу к обочине шоссе.

Солдаты шли чётко, в такт песне отбивая шаг по мокрому асфальту. Они чувствовали на себе взгляды людей, толпившихся вдоль тротуаров, и старались выглядеть бодро, молодцевато. В руках они сжимали сверкающие вороненой сталью новенькие автоматы.

И от того, что они, идущие на фронт, идущие туда, где должно быть очень страшно, ибо что может быть страшнее для человека, чем смерть, от того, что они, идущие на смерть, так дружно и даже весело пели о тачанке, у которой четыре колеса, радостно стало ребятам. Ничего, что большинство солдат были в обмотках, ничего, что не всем были по плечу новые шинели, ничего, что для щек многих из них неведома была бритва. Это были наши солдаты, советские солдаты, и они шли защищать Москву.

— Ну как? - весело крикнул Саша и толкнул в бок Витю.